

Н. И. Костомаров

Несколько слов о памятнике Хмельницкому<sup>1</sup>

дан Хмельницкий — один из самых крупных деятелей многовековой истории русского народа с Польшею — дождался наконец, того, что Россия<sup>2</sup> вспомнила его заслуги, его значение в своей истории и воздвигла ему памятник. Труд этот взял на себя г. Микешин, приобретший известность составлением исторических памятников. Модель его знала всем, читавшим газету «Голос».

Вероятно, многим из русских, искренно чтущих память Хмельницкого, было бы неприятно увидеть такой памятник, потому что он грешит против изящного вкуса, художественного смысла и исторической правды. Под ногами коня, на которого посадил художник Богдана, лежат убитый или раздавленный ксендз с четками, ниже — изрубленный топором як и мертвый иудей с затянутою на шее веревкой. Неужели это искусство? Неужели образованному вкусу могут нравиться фигуры раздавленных и задавленных? Что неизбежно в историческом описании, дозволительно в картине, то вовсе неуместно и даже неприлично на площади, на улице в виде статуйных изображений. Известно, что когда вешают преступника, то закрывают ему лицо, чтоб на зрителей производила страшного и омерзительного впечатления такого рода смерть. На памятнике Хмельницкого задавленный иудей с открытым лицом; для верности природе художник должен воспроизвести на нем признаки смерти, которые нарочно скрывают от человеческих глаз при совершении казни через повешение. Но что хотел выразить этим художник? То ли, что в эпоху Хмельницкого умерщвляли ксендзов и евреев?

Но ведь памятник какому бы то ни было историческому лицу должен выражать его всемирно-историческое значение (буде такового не имеется налицо, то и памятника не следует ставить), а не временные подробности, хотя и сопровождавшие деятельность этого лица, но не составлявшие тех его отличительных свойств, которые самому действовавшему лицу дали историческое величие. Фигуры раздавленного ксендза и задавленного иудея не представляют ничего такого, что бы существенно принадлежало Богдану Хмельницкому и даже его эпохе. Везде и всегда, когда народная громада поднималась против угнетателей, совершались над последними убийства, и в южной Руси не было ни одним Хмельницком умерщвляли ксендзов, шляхту и иудеев. То же делалось и прежде его при Косинском, Наливайко, Павлюке, Острианинском<sup>3</sup>, и после Богдана через сто лет то же делали Гонта, Зализняк, Шило и проч.<sup>4</sup> Художник в памятнике Хмельницкому должен был выразить то, что именно отличало Хмельницкого и что дало ему в истории место сравненно выше других деятелей на том же самом историческом этапе, а не то, что происходило и не могло не происходить независимо от него по условиям века, края и сложившихся обстоятельств, и чего не мог сам, если бы и хотел предотвратить, то не мог.

Не внушает ли это предположение, что художник не в силах был подняться выше осязательных частных явлений до понимания исторического значения личности, которой он созидает памятник? Или, быть может, художник думал этим сказать: вот смотри, русский народ, от своих врагов избавил тебя этот великий человек? Но эта цель достигается уже самим памятником Хмельницкому; всякий вспомнит об этом, как только взглянет на его фигуру, а подробности борьбы его с Польшею за русскую веру и русский народ узнает из истории. Тот же, кто не слышал никогда ни о Хмельницком, ни о его войнах, того без другого рода объяснений сами фигуры раздавленных и задавленных не научат. Притом же такие фигуры не согласуются с характером

Богдана Хмельницького. Хмельницький вове не был один из той громады, которая, потеряв терпение и завидев удобный случай отомстить своим тиранам, бросается на них с неудержимою яростию переполненной злобы, повинувясь голосу страсти. Хмельницький не был также одним из рубак своего века, которым необходима была война, как рыба — глубина водная, как птице — широта воздушная. Хмельницький был человек политический, муж идеи (если б он не был таким, то ве стоил и памятника). Осуществление этой идеи было целью его деятельности. Война для него была только средством, правда неизбежным, но всегда таким, которого он готов был избежать, если б только цель, к которой он стремился, была достигнута иными путями. Ужасы войны и народного восстания не тешили его; напротив, он старался, елико возможно, ослаблять их. Так, он наказывал и даже казнил смертью тех предводителей загонов, которые отличались бесчеловечием и зверством в мести врагам русского народа. Об этом сохранились свидетельства поляков, и в том числе и заклятейшего врага казаков Иеремии Вишневецкого<sup>5</sup>. Во время войн с поляками Хмельницький нарочно избегал покорения городов, чтоб не подвергать жителей кровопролитию и разорениям. Так было, между прочим, два раза со Львовом: в 1648 и в 1655 гг., и в последний раз он по поводу этого имел даже неудовольствие с предводителем московских войск, действовавших тогда вместе с казаками против поляков. Гетман объяснял ему, что он не может решиться предать бедствиям штурма столько людей и притом христианской веры. То же было под городом Гусятином, на Подолии, где Хмельницький ни за что не хотел брать города штурмом, чтоб не губить мирных жителей. По разгроме польских гетманов под Корсунем (в мае 1648) и по разгоне новонабранного польского войска под Пялявцами (сентябрь 1648) Хмельницький мог бы опустошить всю Польшу и самую Варшаву обратить в груду развалин, но не сделал этого, а ожидал под Замостьем выбора нового короля, надеясь, что новоизбранный король мирным путем удовлетворит требованиям русского народа. Сами поляки говорили тогда про него: «Это бог послал на него слепоту».

Ошибшись в расчете на короля, Богдан опять должен был взяться за оружие и под Зборовом опять показал умеренность и великодушие: имея почти в своих руках польского короля с сенаторами, полководцами и панами Речи Посполитой и будучи в состоянии отправить их в крымскую неволю, как он уже отправил год тому назад польских гетманов, Хмельницький не сделал этого, а воспользовался своим успехом только для того, чтобы вынудить у поляков признание того, что они по отношению к Руси должны были признавать на основании древних прав. Такие черты благодушия, казалось, должны были внушать г. Микешину мысль о том, что фигуры раздавленных и задушенных врагов у ног Хмельницького не выражают характера этой исторической личности и что за нею есть что-то другое, составляющее его славу и величие. Вдумайтесь, г. Микешин, хоть, напр., в эти слова гетмана, которому вы ставите памятник: «Я выбью весь русский народ из неволи лядской; пусть король будет королем, но пусть он будет свободен, пусть наказывает ваших дуков, шляхту, пусть шляхта не лягает короля. Хочу, чтобы так было; князь ли согрешит — отруби ему голову, казак ли согрешит — и ему то же самое: вот будет правда!». Эти слова, говоренные им польским комиссарам, важнее для уразумения личности Хмельницького, чем отвратительные фигуры раздавленных и задушенных, которыми г. Микешин хочет украсить изображение Хмельницького и город Киев.

*Підготовка тексту до друку і коментарі Ю. А. Пінчука.*

## МЕНТАРІ

<sup>1</sup> Вперше надруковано у часописі «Новое время» (вид. Юматова).—1869.—194). Передова стаття, з підписом Н. К. Передруковано у виданні: Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова.—К., 1928.—С. 228—230. Подається за анням 1928 р. Поява есе М. Костомарова «Несколько слов о памятнике Хмельному» була викликана публікацією в газеті «Голос» моделі пам'ятника цьому ману відомого скульптора і графіка М. П. Микешина. Останній був у дружніх минах з Тарасом Шевченком, відвідував його майстерню у Петербурзі, приятав з Миколою Костомаровим, що допомагало йому спеціалізуватися у створенні ричних монументів. Зокрема, він є автором загальновідомої скульптурної споруди есть Хмельницького у Києві, в якій дістали втілення думки М. Костомарова, про можна судити на підставі згаданого вище есе. Пам'ятник прикрашає наш староній град — «матір містам руським» — вже більше століття. Він був зведений і р. коштами передової громадськості України.

<sup>2</sup> Йдеться передусім про Україну, яка перебувала в складі Росії.

<sup>3</sup> ... при Косинському, Наливайкові, Павлюкові, Острянині — маються на увазі жки народних повстань в Україні проти іноземного, шляхетського гноблення наінці XVI — у першій половині XVII ст., до початку Визвольної війни під пром Богдана Хмельницького.

<sup>4</sup> ... Гонга, Залізник, Шило та ін. — керівники народних повстань проти польськохетського гніту на Правобережній Україні в другій половині XVIII ст.

<sup>5</sup> Вишневецький Ярема (Ієремія) (1612—1651) — політичний діяч, один з найбагих магнатів шляхетської Польщі. Походив з українського князівського роду. ював магнатські кола, які виступали проти національно-визвольної боротьби інського народу.